

Бѣглыя замѣтки.

Въ послѣднемъ № Недѣли г. Дѣдловъ помѣстилъ очень маленькую и очень страннаго характера статейку о г. Врубелѣ и его картинахъ. Статья г. Дѣдлова написана въ тонѣ для г. Врубеля весьма лестномъ, и имѣетъ тенденцію внушить публикѣ, что въ лицѣ творца „Принцессы Грезы“ и „Микулы“ она имѣетъ дѣло съ художникомъ недюжиннымъ, съ новаторомъ въ области искусства, съ душой, тревожно ищущей новаго, съ человѣкомъ, котораго мучитъ „какая-то *иреза о чемъ то новомъ, неясномъ, не даетъ ему писать, „какъ другіе“, заставляетъ его искать небывалаго, а можетъ быть и... несуществующаго*“.

Основаніемъ для признанія за г. Врубелемъ всѣхъ сихъ качествъ служить г. Дѣдлову только тотъ фактъ, что Врубель пишетъ не „какъ другіе“, хотя г. Дѣдловъ совсѣмъ не утверждаетъ, что комментируемый имъ художникъ пишетъ лучше, чѣмъ другіе, какъ и вообще ничего не утверждаетъ и не доказываетъ своей статьей, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему заключить эту статью „горькимъ“ упрекомъ по нашему адресу.

„Въ столичной печати,—говоритъ онъ—, я не встрѣчалъ серьезныхъ статей о Врубелевскихъ панно. Загадку въ пять минутъ разрѣшила одна нижегородская газета. Врубель нищъ духомъ и бѣденъ воображеніемъ. Его картины признакъ оскудѣнія идеаловъ и упадка вкуса. Его живопись—оригинальничанье человѣка, знающаго, что у него нѣтъ таланта, и потому, ради пріобрѣтенія извѣстности, творящаго скандалы въ живописи... Эхъ, господа, господа! Цѣнители, руководители!“.

Насъ не можетъ не задѣть этотъ упрекъ, въ виду его полной неосновательности и въ виду того, что противъ выставленныхъ нами положеній по вопросу о томъ, есть-ли искусство Врубеля „новое“ искусство или же оно совсѣмъ не искусство, а только чудачество въ искусствѣ,—противъ всего, что было сказано нами по существу, г. Дѣдловъ не возражаетъ ни словомъ. Онъ просто упрекаетъ насъ въ поспѣшности оцѣнки индивидуальности художника и, упрекнувъ, очевидно, полагаетъ, что этимъ онъ оказалъ большую услугу „новому“ искусству, сирѣчь искусству г. Врубеля, съ которымъ, кстати сказать, г. Дѣдловъ лично знакомъ. Но даже и личное знакомство съ художникомъ не позволяетъ г. Дѣдлову сказать о немъ что-либо такое, что могло-бы поднять престижъ г. Врубеля въ глазахъ публики. Намъ даже кажется, что г. Дѣдловъ оказалъ своему знакомому очень непріятную, прямо таки медвѣжьёю услугу, хвативъ г. Врубеля камнемъ своей логики не въ бровь, а прямо въ глазъ, и даже не однажды угостивъ его такъ.. не вкусно.

Судите сами: рассказываетъ г. Дѣдловъ, какъ однажды пришелъ онъ въ мастерскую Врубеля и увидалъ тамъ „Демона“ кисти этого художника. Вотъ какъ описываетъ г. Дѣдловъ „Демона“.

„Одутловатое скопческое лицо, безъ возраста, выпуклые тусклые глаза, съ безумнымъ выраженіемъ тупой, холодной, но невыразимо тяжелой тоски. На безобразномъ неподвижномъ лицѣ—та же печать каменнаго отчаянія. Глаза не смотрятъ на зрителя, они никуда не смотрятъ, но видятъ все, видятъ и васъ, и вамъ страшно, васъ тянетъ къ себѣ этотъ взглядъ.“

На картинѣ было выяснено только лицо. Остальное было только начато, вѣрите, даже и не начато. Стоитъ, или сидитъ, или

летитъ его чудовище? Что за нимъ—стѣна, —или гора, или ночное небо? Надо окон- чить, тогда выйдетъ небывалая картина“.

Съ той поры прошли года, но „небыва- лой“ картины все еще нѣтъ и никто до сей поры, ниже самъ г. Врубель, не знаетъ— стоитъ, сидитъ или летитъ Демонъ со скопче- скимъ лицомъ. И такъ, однажды г. Врубель удачно, по рассказамъ г. Дѣдлова, написалъ лицо „Демона“ и до сей поры его не кон- чилъ. Что-же слѣдуетъ заключить отсюда, что г. Врубель—художникъ геніальный и что наше убѣжденіе въ чищетѣ его вообра- женія ошибочно? Во всякомъ случаѣ раз- сказавъ о „Демонѣ“, г. Дѣдловъ, какъ намъ кажется, ничего не сказалъ лестнаго для г. Врубеля.

Затѣмъ г. Дѣдловъ говоритъ о „Прин- цессѣ Грезѣ“ и о „Микулѣ“. Рассказавъ, что Врубель нарисовалъ *„морскіе волны въ видѣ стружекъ“* и построилъ галеру *„изъ какихъ то странныхъ плотовъ, помостовъ, ба- локъ и брусевъ, наваленныхъ и напороженныхъ въ непонятной связи, „г. Дѣдловъ поясняетъ“:* что онъ хотѣлъ этимъ сказать, что онъ тутъ изобразилъ—вы не поймете. Да понимаетъ- ли и самъ онъ, удалось-ли ему поймать тутъ неуловимое? Нѣтъ, не удалось“.

Едва-ли г. Врубель останется доволенъ та- кимъ заключеніемъ своего знакомаго,—едва- ли. И наконецъ, говоря о „Микулѣ“, г. Дѣдловъ заявляетъ: „это одно изъ тѣхъ вру- белевскихъ произведеній, которымъ завиду- ютъ знаменитости, не смотря на то, что *это не искусство*“.

Группируя все сказанное г. Дѣдловымъ о Врубелѣ, мы видимъ, что всѣ претензіи по- слѣдняго на званіе генія и новатора въ об- ласти искусства ограничиваются тремя ра- ботами, при чемъ первая изъ нихъ, хотя, по словамъ г. Дѣдлова и хороша, но не окон- чена, вторая „не удалась“, а третья—„не искусство“.

Намъ кажется, отсюда довольно ясно видно, насколько умѣстенъ и основателенъ упрекъ г. Дѣдлова по нашему адресу.

—

Покончимъ, однако, съ г. Дѣдловымъ и на- помнимъ нѣсколько общихъ положеній изъ области теоріи искусства, дабы показать, насколько творчество Врубеля далеко отъ нихъ.

Роль искусства—педагогическая, цѣль его —установить возможно болѣе полную общ- ность ощущеній и чувствъ. Ощущенія и чувства всего болѣе раздѣляютъ людей, о вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ, ихъ счита- ютъ чисто личными, и вотъ для того, чтобы болѣе объединить и сроднить людей, нужно, такъ сказать, социализировать ихъ ощу- ненія и чувства, подмѣтить въ нихъ одну и ту-же всѣмъ людямъ общую черту, выразить ее нотами, красками, словами, и такимъ об- разомъ, до нѣкоторой степени сдѣлать ощу- щенія и чувства тождественными у того и другого лица.

Отвѣчаетъ-ли современное искусство вооб- ще и въ частности искусство Врубеля этой великой задачѣ, имѣетъ-ли оно его въ виду? Намъ кажется—вообще—нѣтъ, а въ част- ности искусство Врубеля стоитъ неизмѣ- римо далеко отъ этой задачи, совершенно не хочетъ знать ее.

По словамъ г. Дѣдлова, его знакомый ху- дожникъ занятъ исканіемъ „небывалаго, а можетъ быть и не существующаго“. Это странное занятіе хотя и очень распростра- нено въ наши взбалмошные дни, въ тяже- лые дни духовнаго оскуднѣнія, но съ искус- ствомъ не имѣетъ ничего общаго. Г-жа Гип- піусъ тоже недавно заявила въ стихотвор- ной формѣ

„Я хочу того, чего нѣтъ на свѣтѣ“
„Чего нѣтъ на свѣтѣ“,

и, на нашъ взглядъ, Врубелю слѣдовало-бы предложить ей руку и, по совѣту Бальмонта, отправиться втроемъ съ поэтомъ

„За предѣлы предѣльнаго

Къ безднамъ свѣтлой безбрежности“, или еще въ болѣе отдаленное мѣсто, если таковое возможно найти во вселенной.

Мы полагаемъ, что сколько-бы времени эта почтенная тройка ни употребила на свое путешествіе и даже если-бъ она заплуталась по дорогѣ,—жизнь и искусство не понесли бы отъ такого событія чувствительнаго урона. Въ жизни достаточно непонятнаго и туманнаго, болѣзненнаго и тяжелаго и безъ фабрикаторовъ фирмы Врубель, Бальмонтъ, Гиппиусъ и К°. Жизнь требуетъ свѣта, ясности и ни мало не нуждается въ туманныхъ и некрасивыхъ картинахъ и въ нервно-болѣзненныхъ стихахъ, лишенныхъ всякаго соціологическаго значенія, и неизмѣримо далекихъ отъ истиннаго искусства. Оно облагораживаетъ людей, оно должно служить этой цѣли, а не развинчивать нервы и приглушать воображеніе, заставляя его представлять себѣ морскую волну въ формѣ „деревянной стружки“—какъ это дѣлаетъ, по словамъ г. Дѣдова, его знакомый художникъ Врубель.

Претензіи всѣхъ этихъ скучныхъ людей, вообразившихъ себя новаторами и воображающихъ, что ихъ не понимаютъ, такъ-же нелѣпы какъ и обширны; г. Мережковский, ягода одного поля съ вышеназванными невропатами, заявляетъ отъ лица всей компаніи: Мы—невѣдомое чуемъ! и называетъ себя со товарищи „слишкомъ ранними предтечами слишкомъ медленной весны“. Эти фразы, въ переводѣ на болѣе удобопонятный языкъ будутъ значить только то, что господа художники и поэты, пораженные декадансомъ, модной болѣзью, смотрятъ на искусство, какъ на область свободнаго и никакими законами не стѣсняемаго выраженія своихъ личныхъ чувствъ и ощущеній. „Искусство—свободно“,—твердо помнятъ они и съ увѣренностью занимаются гайдмачествомъ въ искусствѣ, выдвигая на мѣсто кристально-чистаго и звучнаго пушкинскаго стиха, свои неритмичные стихи, безъ размѣра и безъ содержанія съ туманными образами и съ дутыми претензіями на оригинальность темъ, а на мѣсто картинъ Рѣпина, Перова, Прянишникова и другихъ колоссовъ русской живописи—колоссальныя полотна, техника которыхъ вполнѣ родственна угловатымъ и растрепаннымъ стихамъ m-me Гиппиусъ и иже съ ней. Какой соціальный смыслъ во всемъ этомъ, какое положительное значеніе можетъ имѣть эта пляска св. Витта въ поэзіи и живописи?

Гюйо, опредѣляя искусство, говоритъ приблизительно слѣдующее: всякое искусство есть средство соціальнаго согласія и даже болѣе глубокое чѣмъ другія: одинаковымъ образомъ думать, безъ сомнѣнія, есть уже много, но этого не достаточно еще для того, чтобъ заставить насъ одинаковымъ образомъ *желать*, великая тайна заставить насъ одинаковымъ образомъ *чувствовать* и это-то чудо совершается посредствомъ искусства“. Едва-ли можно не соглашаться съ этимъ опредѣленіемъ значенія искусства, талантливымъ французскимъ эстетикомъ.

Какое-же отношеніе къ соціальному искусству, къ искусству, имѣющему своей цѣлью воспитаніе духа и чувствъ человѣка, какое отношеніе къ искусству, стремящемуся облагородить жизнь, могутъ имѣть картины Врубеля и Галлена, стихи Гиппиусъ и Бальмонта, и вообще все то, что дѣлаютъ въ области искусства люди, ищущіе „несуществующаго“ и стремящіеся „за предѣлы предѣльнаго“?

М. Горькій.